

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

91c): 358

Кр В15

Валукинский Н.

Суконные фабрики
крепостного владения

в Воор. уд.

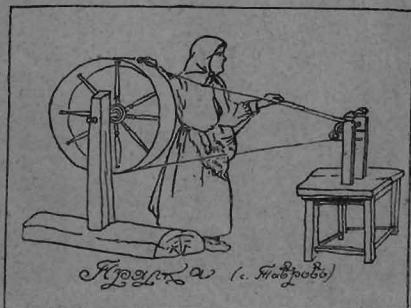
9(9):338
BIS

БИБЛИОТЕКА
Центр. Бюро
КРАЕВЕДЕНИЯ
Вл. Гос., Акад. Наук

K.P. 711

Н. Валукинский.

СУКОННЫЕ ФАБРИКИ КРЕПОСТНОГО ВРЕМЕНИ в Воронежской губернии.

1926 г.

Областной Редакционно-Издательский Комитет НКЗ.
Воронеж.

4

Н. Валукинский.

И 9(с) 338
К В 15

СУКОННЫЕ ФАБРИКИ
КРЕПОСТНОГО ВРЕМЕНИ
в Воронежской губернии.

1926 г.

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. Н. С. МИХАЙЛОВА

Областной Редакционно-Издательский Комитет НКЗ.
В о р о н е ж

Б 674519

№ 00

Воронез. Типография
Общ. Ред.-Изд. К-та.
Губанг № 3485.
Тираж 1200 экз.

Причиной появления суконных фабрик в Воронежском крае были и потребность в суконных изделиях и наличие шерсти. Воронежский край еще с середины XVII века стал перед необходимостью обеспечивать стрельцов и казаков сукном. К началу XVIII века эта потребность стала еще острее. Наличие степей благоприятствовало развитию овцеводства. С 1704 года уже числилась суконная фабрика в б. г. Таврове в 14 верстах от г. Воронежа. Первая русская суконная фабрика в России возникла в 1698 г.,—следовательно, Тавровская фабрика была одной из ранних.

„Когда в 1723 г. опубликован Регламент Мануфактур-коллегии, коим между прочим ободрялись все природные россияне к заведению фабрик, то в 1725 г. от 12 февраля Воронежские дворяне Фаддей Веневитинов, Иван Титов, Парамон Лосев да купецкие люди Потап Горденин, Петр да Климен Сахаровы, Максим Тулинов, доношением об явили в Мануфактур-коллегию, что они сообща в артели имеют охоту взять казенную суконную фабрику, состоящую в Тавровской крепости, в собственное свое содержание, не требуя никакой от коллегии помощи и даже с обязательством размножить оную. На сие доношение в 1726 году по резолюции Высокого сената велено оным просителям просимую фабрику сдать навсегда с обязательством, чтобы размножить оную от 20 до 50 станов и капиталу положить до 10000 рублей и самим инструменты покупать без платежа пошлин на 5 лет; но чтобы сукно делалось свыше солдатского, то позволено таковые сукна продавать 10 лет беспошлинно. По просьбе сих фабрикантов определен к фабрикам их под'ячий“.

В этой выдержке ценны следующие данные: прежде всего выясняется, что на фабрике было 20 станов, что дает возможность предполагать, что рабочих было свыше 300 человек, что первая фабрика была казенная до 1726 года, следовательно, и рабочие числились казенными, и в третьих, что участие в развитии фабрик суконных принимают и дворяне и купцы сообща в артели.

В 1736 году фабрик было в г. Воронеже 5, на них рабочих 815. По описи города Воронежа, деланной в 1777 году, значится фабрик суконных 10, ситцевых 1, и в 1797 году всего суконных фабрик было 29. На них приписных мужчин 448, женщин 427, покупных мужчин 181, женщин 188. В г. Воронеже 13 фабрик, в Воронежском уезде 14, в б. г. Орлове, в Усмани

Собачьей (с 1769 г.), в Бору, на Придаче, в с. Буровлянке, в б. Земляном уезде в с. Долгуше 1, в б. Задонском уезде в сл. Крутогорской 1.

В 1812 г. в г. Воронеже числилось 4 фабрики у 3 владельцев. В 1854 г. фабрик было по губернии 6. В г. Воронеже фабрика Вигеля, бывшая Тулинова, в Бору гр. Толстой, бывшая Тулинова, в Буровлянке Хренникова бывш. Головачева, в Мартыне (сл. Ильинская) Тулинова и в сл. Крутогорской Горденина бывшая Пустовалова; из них по 10 ревизия на Придаче числилось 300 мужчин, 352 женщины; в Буровлянке 213 человек, в Бору 734 ч., в сл. Крутогорской 400 ч. Производство на фабриках выразилось в следующем объеме: 1797 г.—78062 арш. сукна и 24000 арш. караеи. По данным 1801 г. по одному Воронежскому уезду с г. Воронежем вырабатывалось 139,600 арш. сукна и караеи.

В 1848 году в Воронеже были 2 фабрики с производительностью на 14300 руб. сукна, в Воронежском уезде 4 фабрики (с. с. Бор, Придача, Буровлянка, Орлов) с производительностью на 149 400 р., в Задонском уезде 1 фабрика (с. Крутогорская) на 82889 р., в Вобровском у. с. Мартин 1 фабрика на 80000 р.. с последней фабрики сукно шло не только в Воронежскую комиссариатскую комиссию, но и в Тамбов и в Москву, а всего на 8 фабриках вырабатывалось на 326589 руб.; по данным, опубликованным в 1863 году, но относящимся к более раннему времени на 3-х фабриках (Придача, Буровлянка и Бор) сукна вырабатывалось на 139,695 руб., сбывалось на месте, в Москву и соседние губернии; в Белокозодске (с. Крутогорская) на 16734 р. 40 к., сбывалось в Тамбов, а всего на 4 фабриках на 156459 р. 40 к. Сравнивая рост числа фабрик с ростом производства, мы видим, что наибольшее количество фабрик было в 1797 г., наибольшая производительность падает на 1848-1858 год, и даже последний год существования фабрик покрывал производительность 1797 г.

Следовательно, в XVIII веке фабрика мало чем отличалась от кустарного производства, и только к концу середины XIX века улучшилась постановка производства фабрик; это говорит за то, что в 1801 году производство объединялось в одних руках, и слабые фабрики были переведены в роль подсобных очагов, а равно увеличился и вольный наем рабочих; что же касается сравнения производительности Воронежской губернии со всем производством России, то в этом отношении может быть показательным фактором раскладка сукна и караеи на 1832 год между фабрикантами. По этой раскладке червоземная полоса получала 81% из всей раскладки по России; в том числе 12% падало на фабрикантов Воронежской губернии, Горденина, Елисеева, Савостьянова, Тулинова и Титова.

Быть может развитие фабрик было бы более пространным и более производительным, если бы не было ряда препятствий, стеснявших свободные производства.

Если регламентом Мануфактур-коллегии ободрились все природные россияне к заведению фабрик, то не совсем так обстояло дело с конечным итогом производства; сукно поставлялось главным образом в армию, сдавать сукно могли дворяне пожалованные на всякую сумму и без всякого за то платежа, личные дворяне по торговому свидетельству, купцы 1-й гильдии на всякую сумму, 2-й гильдии на 15000 рублей сереб., 3-й гильдии до 8600 рублей ассигн., купеческие братья и дети по доверенности, мещане на сумму не свыше 1200 рублей. Это обстоятельство влекло купечество за чинами и дворянством, и в конечном итоге людей промышленных превращало в военных и отвлекало от фабрик, каковые вверялись управляющим.

По выборке из экономических примечаний от 1801 года в Воронеже и его уезде говорится: „Фабрик суконных 9 и что на них вырабатывается. Комерц-советника Василия и капитана Ивана Тулиновых две, на коих обрабатывается сукон приписными казенными мастерскими и покупными фабрике людьми. По 5 ревизии мужска 207, женска 62 души до 15000 аршин разных цветов. У Ивана Горденина, людьми (как сказано выше) муж. 59, жен. 71, а частью вольнонаемными до 9000 аршин разного цвета. У поручика Елисеева приписных казенных, коих муж 6, женщ. 4 души, а большею частью вольнонаемные до 7000 аршин разн. цвета. У городского секретаря Якова Горденина приписных и покупных, коих муж 19, женщ. 17 душ, и частью вольнонаемные до 20600 арш. сукон и каразей. У вдовы Авдотьи и сына ее Дмитрия Гордениных приписными и покупными муж. 89, женщ. 68 душ до 7000 арш., которые все в казну отдают. На тех же фабриках станов у Тулиновых 14, у Горденина Ивана 6, у Авдотьи с сыном Гордениных 9, у Якова Горденина 7, каразейных 4, у Елисеева 7, каразейных 2.

Оного в уезде. Суконных фабрик. В слободе Придаче камерц-советника Василия Тулинова о 60 суконных да о 6 каразейных станах. Вырабатывается в год приписными казенными мастерскими мужска 57, женска 52 души и вольнонаемными сукон до 60000, каразей до 21000 аршин. В селе Таврове (что прежде было Тавровской крепостью) суконная фабрика поручика Елисеева, на которой для сукон прядут шерсть вольнонаемными людьми.

В селе Большой Усмани суконная фабрика камерц-советника Тулинова, на которой выпрядается вольнонаемными людьми в год пряжи до 900 пудов. В селе Рождественском фабрика камерц-советника Тулинова, на которой вольнонаемными людьми в год прядется пряжи до 400 пудов^а.

Из этих данных мы можем заключить, что по г. Воронежу у И. Тулинова вырабатывалось одним станом в год казенными и приписными мастеровыми 1071 арш., у И. Гарденина вырабатывалось казенными приписными и вольными мастеровыми 1500 арш.; присутствие вольнонаемных заметно отражалось на производстве.

Кроме того, мы имеем возможность установить, что целый ряд фабрик перешли просто к выработке пряжи для сукна; этому причиной, повидимому, послужило объединение ряда фабрик в одних руках и возможность выработку проводить через вольнонаемных мастеров. В процентном отношении рабочие делились по полу на 63% мужч., 37% женщ., на принудительный труд падает 50,5%, на вольный 49,5%, на стан, вырабатывавший сукно, приходилось 18-19 рабочих. Если мы сравним цифры 1736 года, где было указано, что у Тулинова было 130 рабочих, то к 1801 году у него рабочих было в Воронеже 269, вырабатывавших 15000 арш., и кроме того более чем вчетверо рабочих работало на фабрике сл. Придачи, да в селе Большая Усмань также были рабочие; следовательно, всего на его производстве в Ворон. уезде было около 1500 рабочих, т. е. количество рабочих за 85 лет увеличилось в 10-12 раз, следовательно, производительность росла главным образом за счет производительности рабочих и менее за счет совершенства техники производства. В деле от 22/п 28 года в сл. Придаче у Тулинова значится 202 двора, им построенных, где жительствоуют только 58 душ, причем указывается, что место под фабрику требовалось по усмотрению фабрикантов, и предками Тулиновых было засято 7-6-ю корпусами 99×99 саж., под остальными строениями 15 десятин 600 кв. саж., люди же в количестве 58 душ были взяты по пассивному праву, о предках коих упоминалось и в 1777 году; эти рабочие занимали не все 202 двора—большой частью помещались в них приходящие для работы разные люди. По церковным записям в среднем на двор в 1928 году приходилось 8 душ взрослого населения,—следовательно, можно считать, что в 202 дворах помещалось около 1500 душ.

С другой стороны, по церковным же записям число дворов прихожан-суконщиков с 1827 г. по 1832 г. уменьшилось на 24%, тогда как в г. Воронеже в Петропавловском приходе их увеличилось на 19%—повидимому, в это время была переброска рабочих с одной фабрики на другую; по 10 ревизии на Придаче значилось 300 муж., 352 женщ. Этот факт опять подтверждает, что производство регулировалось не совершенством техники, а изменением количества живой силы на фабрике, с применением для некоторых машин конных приводов, водяных двигателей.

По различным источникам за время с 1725 года по 1860 год упоминаются фабриканты, причастные к производству: в 1725 г.

дворянин Фаддей Веневитинов, в 1725 г. дворянин Иван Титов, в 1821 - 1832 в Воскресенском приходе в г. Воронеже купец Мих. Ив. Титов, в 1833 Вас. Мих. Титов, в 1725 г. дворянин Парамон Лосев, в 1725 г. купец Потап Никитевич Горденин, жил в Успенском приходе, в г. Воронеже переселился в Онуфриевский приход, брат его Петр, дети его Иван, Яков, Андрей, в 1784 г. фабрикантша Домна Михайловна Горденина, в 1785 г. Яков Потапович Горденин, в Троицком приходе, в 1786 г. Иван Романович Горденин, в 1801 г. Иван Горденин, в 1806 г. титулярный советник Петр Иванович Горденин, в 1806 г. Онуфрий Иванович Горденин в 1725 г. Петр и Климен Сахаровы, в 1725 г. купец Максим Тулинов, в 1797-1808 г. Василий Васильевич Тулинов, в 1801 г. капитан Иван Тулинов, в 1815 г. Яков Васильевич Тулинов, в 1780-1789 г. Гавр. Ив. Елисеев, в 1801 г. поручик Елисеев, 1813-1827 г. Федор Гаврилович Елисеев, в 1827 г. фабрикантша Вера Андреевна Елисеева, 1805 г. фабрикант Василий Гаврилович Муратов, в 1806 г. Кривошеин, Вигель, в 1824 г. Николай Филиппович Вигель, в 1859 г. Филипп Николаевич Вигель, в 1854 г. и несколько ранее Хренников и Головачев. Годы указывают документы, в которых указана причастность фабриканта к производству, но не определяют длительность причастности.

По этому списку мы видим, что купцы Тулиновы и Горденины превращались в дворян, и этот переход, считаясь с преимуществами, какие давало дворянство в поставке сукна, повидимому, было не случаен. Фабрики были и посессионные и крепостные. Первые имели и приписных, и покупных, и вольнонаемных рабочих, вторые состояли только из крепостных, вольнонаемными были иногда только приказчики; это послужило и меньшей жизнненности фабр., так как регулировать производство в зависимости от поступления сырья, спроса на сукно при постоянном составе рабочих было трудно, тем более, что крепостные суконщики земельного надела не имели.

На посессионных фабриках, как было указано выше, была возможность и перегруппировки, за этот факт говорят и другие данные: рабочие по церковным спискам г. Воронежа у Тулинова и в Петропавловском и Преображенском приходе, рабочие Онуфрия Горденина числятся и в Преображенском, и Онуфриевском, и Петропавловском приходе. Более того, суконщики Онуфриевского прихода, жившие и в правой и левой Суконовке, разрезанные Беломестной улицей и отрезанные Поднабережной улицей от фабрики, были, повидимому, частью переброшены в слободу Троицкую на постоянное жительство, за что говорит наличие таких же улиц Беломестной и Поднабережной в слоб. Троицкой.

Производительность, увеличиваемая за счет живой силы, влекла за собой стремление фабрикантов увеличить рабочую силу.

В вотчинных фабриках состав рабочих увеличивался естественными приростами и покупкой их на фабрику со стороны, в посессионных фабриках в состав принудительных рабочих входили: молодежь из духовенства, уклонявшаяся от военной службы, на что указывают фамилии фабричных рабочих: Поповы, Дьяковы, Пономаревы, Растригины; беглые крепостные, на что указывается в наказе Воронежского дворянства; случайный элемент—наличие фамилии Иноземцева, Казимиров, иногда преступный элемент; по словам стариков-рабочих, достаточно было при преследовании, перебравшись через ограду фабрики, объявить себя фабричным, и он уже оставался на фабрике; кроме того владельцы фабрик приписывали к фабрикам жен солдатских и их детей. В XIX веке заметно стремление фабрикантов к вольному найму, чаще на зимний сезон. В состав рабочих входили и мужчины, и женщины, и старики, и дети, иногда от 7-8 лет. Время работы было различно: на посессионных фабриках работали с 3-х часов утра до 9 вечера с 2-х часовым перерывом на обед с 12 до 14 ч., т. е. 16 часов в день; на вотчинных фабриках летом от зари до зари, — „заря выгонит, заря вгонит“ по выражению рабочих; зимой вечером работали при свечах, на обед полагался перерыв с 12 до 13¹/₂ ч. дня, работа шла круглый год, дни отдыха в сумме составляли „сто дней“, т. е. 100 дней. Кроме дней воскресных, днями отдыха были 3 дня масленицы, 3 дня страстной недели, 7 дней пасхи, 3 дня троицы, 3 дня рождества и др. На святые (вотчинная фабрика) изменялся порядок дня: вечера, т. е. „святые вечера“, не работали, но зато начинали работать с 12 часов ночи (с Крутогорская).

На работу приступали по звонку (20 фунтовым колоколом); кроме обычной работы, на вотчинной фабрике в дни отдыха нередко вызывали рабочих и не на фабричную работу: обычно такими работами были летом сенокос, зимой устройство катка и горы для господ-фабрикантов и др. мелкие работы. При выходе с работы производились обыски рабочих „обыскателями“. На условия труда мало кто обращал внимания; только на фабрике в Бору были сносные условия, — в остальных же фабриках света в помещениях было мало, окна делались небольшие и в недостаточном количестве, в ткацком отделении окна делались больше; освещался корпус свечами, подвешенными на веревках, в среднем на 2-х рабочих по одной свече, а в некоторых отделениях было просто лучинное освещение. Предохранительные меры в машинах отсутствовали, были случаи поломки приводами долов, провал полов (сл. Крутогорская) с увечьем людей; щетильное отделение было особенно пыльно, в сушильне была невыносимая жара; рабочие иногда выходили из сушильни голыми, катались в снегу и снова начинали работать. При некоторых фабриках было по одному лекарю. Оплата труда на посессионных была денежная,

на вотчинных фабриках натурой и деньгами. В 50-60 годах дневной заработок мужчины был 15, 16, 17, 18 копеек в день, что в год составляло 40—50 рублей, заработок женщин не превышал 12 копеек в день, что в год составляло около 30 рублей, детям до 15-16 лет не платили, и первый их заработок был 3 копейки в день, т. е. около 8 рублей в год; таким образом в средней семье, имевшей состав в 6 человек, из которых 1-2 человека оставались за малолетством или дряхлостью дома, годовой бюджет составлял 90-95 рублей.

На крутогорской фабрике платили всем в равной степени по 2 пуда муки ржаной и четверке пшена, что при средней семье в 8 душ, из коих на фабрике работало 6 человек, годовой бюджет составлял 144 пуда муки ржаной, 18 мер пшена и кроме того на пасху выдавалось по 1 рублю ассигнациями на душу, что на 6 чел. составляло 6 рублей ассигнациями.

Меры взыскания создавали ужас фабрики; старики-рабочие передавали своим сыновьям: „уж ежели такая жизнь, то лучше бы нас живыми в землю закопали“. Самым большим бичем была порка. Пороли за все: за плохую работу, за дерзкое обращение с администрацией, за сон на работе, за плохую выработку. Били жестоко до костей—„недели по две нельзя было сесть“. Обычно давали 12-15 розг, крайняя мера была 500 розг, что было равносильно казни. Пороли в „людской“ и на конюшне. Легким наказанием считалось битье кнутом за работой 2-3 удара, эта мера чаще применялась к детям, их били на глазах родителей, работавших на фабрике, и всякое возражение со стороны последних влекло кару и для них. Более суровой мерой наказания являлась отправка для порки в город; так поступили с рабочими, заснувшими в красильне и допустившими убог краски из котла (сл. Придача); за дерзкое обращение с приказчиками по поводу неправильной приписки к фабрике женщины из Чижевки, виновник дерзкого обращения был отдан в матросы; за дерзость одна женщина-вдова была отдана в деревню, а дети в кантонисты. Эти взыскания имели (сл. Придача) место на фабриках в городе и пригородах. На фабрике в уезде (сл. Крутогорская) порке подвергались и мужчины, и женщины, мужчин пороли лежа, женщин стоя; кроме того, что считалось более позорным, женщинам отрезали косы и вывешивали в конторе с надписью, за что и у кого отрезали. Неотъемлемыми в крепостной жизни были долгое время и цепи: приковывали на цепь к столбу и к пеньку—„чураку пуда 2-3“, с которым наказанный должен был ходить; надевали на шею „бессонник“—таган с тремя пальцами, замыкавшимися на шее, чтобы спать нельзя было спокойно. Отправляли в солдаты без зачета; один рабочий был отправлен в солдаты за хищение краски „кольги“. Обычно хозяин по фабрике ходил с палкой, каковая служила ему для „вытигивания“

рабочих, т. е. хозяин наказывал сам 2-3 ударами палкой на работе. Перед барским домом положено было кланяться, за неисполнение виновный подвергался порке.

Такое отношение к рабочим вызвало целый ряд волнений, из которых более раннее относится к 1806 году на фабрике Кривошеина, где причиной волнения было принуждение исполнять в праздничные дни не фабричные работы.

На фабрике Титова причиной волнения в 1821 г. была низкая заработная плата, а в другой раз причиной волнения была работа в праздничные дни и большие уроки.

На фабрике Я. Горденина было волнение из-за продолжительности и трудности работы престарелых рабочих. Фабрика вскоре сгорела, на место которой была выстроена вновь вместо деревянной каменная.

На фабрике Вигеля в Воронеже было 2 волнения из-за продолжительности работы и крайне ничтожной платы детям: по понедельникам дети работали с 1 часу ночи, в другие дни с 2-3 часов утра до 9 часов вечера с перерывом на 3 часа зимой и 4 часа летом, т. е. их рабочий день равнялся 16-17 часам; другой причиной волнения была невыдача содержания престарелым рабочим. Обычно же тягость фабричного режима влекла за собой или бегство с фабрики (Горденина и Титова) или рабочие тайно снимали колокол и хоронили его (с. Крутогорское на фабрике Горденина).

Тяжелыми для рабочих условиями на фабрике были не только режим фабрики, наказания, низкая оплата труда, но и жилищные условия. Фабричные жили семьями от 2 до 16 душ в избе (по данным 1817 г.) на фабрике Тулинова в сл. Придаче, от 2 до 13 душ (по данным 1812 г.) на фабрике Горденина, от 2 до 10 душ (по данным 1829 г.) на фабрике Тулинова в Воронеже, что в среднем составляло 6 душ на избу.

Эти избы были размером 6×6 аршин, реже пятистенки 6×12 аршин с холодной половиной. Изба в Петропавловском

переулке у рабочего Пономарева была 6×5 арш. с двумя окнами; в ней помещалось 6 человек, высота внутри равнялась $3-2\frac{3}{4}$ арш. Избы крылись соломой, камышем, дранью; надворных по-

строек было мало—обычно сарай или курятник, да погребец. Несколько лучше были избы в сл. Брутогорской, но и те отличались только большей нарядностью от изб крепостных крестьян, но были беднее количеством надворных построек, да существенным подспорьем были огороды. Топку было трудно достать, ходили за хворостом ночью, или „тайком“ перекидывали после работы дрова с фабричного двора. Освещались избы лучиной. Тягость фабрики, повидимому, прогрессировала, аппетиты владельцев увеличивались, и в результате мы видим, как прогрессирует в процентном отношении и смертность рабочих особенно в пригородных слободах; так, в сл. Придаче с 1780-1790 год смертность составляла 26⁰/₀ рождаемости, 1791-1800 г. 41⁰/₀, 1801-1810 г. 38⁰/₀, 1811-1820 г. 60⁰/₀. 1821-1830 г. 81⁰/₀. В слободе Троицкой 1780-1790 г. 36⁰/₀. 1791-1800 г. 85⁰/₀, 1801-1810 г. 126⁰/₀, в с. Буровлянке 1831-1840 г. 36⁰/₀, 1841-1850 г. 80⁰/₀, 1851-1860 г. 86⁰/₀. Цифры эти говорят, что рост смертности стал увеличиваться ранее в пригородных слободах; в слободе Троицкой смертность превысила рождаемость, и с 1841 г. резким скачком стала увеличиваться и в селе. Особенно увеличилась смертность детей на Придаче—так с 1780 по 1805 год смертность детей составляла 37⁰/₀ всей смертности, а с 1806 по 1830 год смертность детей составляла 70⁰/₀ всей смертности рабочих.

В 1861 году было рабочим дано право свободных обывателей. По этому праву все рабочие переводились на вольный наем.

Об этом факте так рассказывает рабочий Крутогорской фабрики: „Была прислана бумага в волость, ждали праздника, в праздник церковь была набита битком, господа осовели. Рабочие все с радостью приняли свободу. На другой день пошли на фабрику, но на фабрике стоял староста с палкой и не позволял входить, угрожая штрафом в 3 рубля. Собрали сход, на сходе помещик предлагал работать 3 дня на себя, 3 дня на рабочих, рабочие не соглашались, решили работать за плату от 2 рублей детям и 10 рублей рабочим. Работа изменилась, выписали мастеров, привезли новые машины, но фабрике их работу увидеть не пришлось. Рабочие ушли с фабрики на второй год после свободы“.

Ткачиха с Придаченской фабрики так рассказывает о дне объявления свободы: „Мы сидели за работой пели песню:

„Канареечка моя любезная
утешает с горя меня“ . .

а тут объявили кончать работу, бумага пришла, так кто на чем бросил, после и не приступали к работе“.

Какие причины способствовали уничтожению суконных фабрик?

Прежде всего слабость сбыта на сторону помимо казны. Фабриканты-купцы вынуждены были бороться с дворянством и, чувствуя их перевес, сами стремились в дворянство, передавая

фабрики управляющим; отсталость в смысле технического совершенства фабрик, и в конечном итоге, стремясь выгадать на одной рабочей силе, создали из фабрик каторги, от которых рабочие оттолкнулись при первой возможности.

Город Воронеж до известной степени обязан своему росту суконным фабрикам. Несомненно, что районы Онуфриевского прихода, Петропавловского прихода и сл. Троицкая получили заселение главным образом от присутствия в них фабрик и суконных слободок, ряду улиц дано было название в зависимости от присутствия на них или фабрикантов или фабрик.

Правая и Левая Суконовка названы по месту расположения слободки суконщиков рабочих. Онуфриевский проулок и церковь, построенная на средства фабриканта Горденина, Манежная улица названа по манежу, конному приводу на фабрике; цейхауз на Поповом рынке был корпусом суконной фабрики; дом Горденина здание так называемое „полуротки“, дом-особняк, рядом с ним сарай с кирпичной крышей против полуротки и части жилищ от Онуфриевского проулка до Большой Чернавской улицы—принадлежали фабрике Горденина. Вигелевский проулок назван по имени фабриканта Вигеля; прежде тот же проулок назывался Тулиновским проулком (Вигель был женат на дочери Тулинова). Тулиновская улица, после Комиссаржевская, названа по фамилии фабриканта Тулинова. Дом Вигеля и часть корпусов фабрики целы до сего времени. Забыты названия Рамный двор и Котукова гора возле Алексеевского монастыря—двор и гора принадлежали фабрикам. Пустоваловская улица названа по фамилии фабриканта Пустовалова. Елисеевский проулок у Ивана Богослова назван по фамилии фабриканта Елисеева. По берегу реки были разбросаны шерстомойки, называвшиеся просто мойками. Таковые были у реки; около шлюза одна, против Большой Стрелецкой улицы две, против цейхауза на левом берегу три, выше моста на левом берегу одна.

Из уездных особенно привлекательный вид имеют и до сего времени корпуса суконной фабрики и жилые здания в Бору; к сожалению, самый красивый корпус разрушен в 1924 году, а памятником пребывания здесь рабочих служат заброшенное кладбище в лесу.

Из рабочих в живых оставалось двое: ткачиха Авдотья Мартыновна Попова в сл. Придаче и Прокофий Николаевич Чернов, последние годы служивший вахтером в Воронежском музее, умер он 7/х 1926 года.

Кстати сказать флигеля музея служили в XIX веке для склада сукон, а в самом здании музея долгое время помещалась комиссариатская комиссия, принимавшая от фабрикантов сукна для армии.

К большинству памятников старины, связанных с историей фабрик и имеющих несомненный интерес в архитектурном отношении, проявлено небрежное отношение; так, дом Горденина запущен; постройки около него, как „полуротка“, корпус во дворе Горденина, приходят в ветхость; другой дом, дававший представление об архитектуре XVIII века, разрушен; дом рабочего Пономарева в Петропавловском проулке уничтожен. Это обстоятельство является теперь недопустимым: все здания, связанные с историей фабрики, взяты на учет Главнаукой. Наш долг помочь сохранению этих памятников крепостного времени, чтобы будущее поколение не забыло, в каких тяжелых условиях проходила жизнь Воронежского предпролетариата—рабочих крепостного времени.

Ткацкий стан.

Источники и пособия.

При составлении очерка затруднение представляло отсутствие печатного материала о Воронежских фабриках.

Имеющийся очерк в книге *«Воронеж в историческом и современном статистическом отношении»* Г. М. Веселовского за 1866 г.—не дает полной картины суконных фабрик, тем более, что частью приведены цифры, характеризующие работу комиссариатской комиссии и поставщиков сукна, что косвенно только характеризует производство.

Более интересные цифры и указания имеются в книге: *«Историческое, географ. и эконом. описание Ворон. губ.»* Е. Болховитинова и в памятных книжках за 1853 и 1863 года Ворон. губ.

Из рукописного материала использованы: архивы церквей сл. Придачи, с. Буровлянки и Воронежца и годового губернаторского отчет за 1849 год. Об условиях труда сведения получены от бывш. рабочих фабрик Прок. Ни кол. Чернова и А. М. Поповой.

Как пособие для более широкого представления о фабриках ценна книга *«Русская фабрика»* Тулан-Бороновского. Оттуда же взяты указания о волнениях на Ворон. фабриках.

Н. В